

ПРАВСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ.

(Статья четвертая) ¹⁾.

Въ предыдущей статьѣ были изложены главныя мѣры, принятыя Корниловымъ для подготовки обороны Севастополя. Начало работъ со стороны союзниковъ вызвало сближеніе передовыхъ цѣпей съ обѣихъ сторонъ. Сближеніе это повело къ ряду мелкихъ нападеній и предиріятій съ нашей стороны. Эти мелкія вылазки имѣли цѣлью или уничтоженіе мѣстныхъ закрытій, которыми могъ съ пользою воспользоваться противникъ, или ближайшій осмотръ и сборъ свѣдѣній о ходѣ его работъ, или просто тревоженіе непріятеля, разрушеніе и замедленіе его работъ.

Первая вылазка была произведена 23-го сентября однимъ морскимъ баталіономъ съ двумя орудіями и нѣсколькими казаками для разоренія хутора между французскимъ лагеремъ и нашими 4-мъ и 5-мъ бастіонами. Про вылазку эту Корниловъ въ своемъ дневникѣ пишетъ: «Молодцы наши отогнали два баталіона французовъ и эскадронъ ихъ конницы, и сдѣлали свое дѣло на глазахъ непріятеля, т. е. срыли стѣнки и сожгли домъ. Это чрезвычайно развеселило гарнизонъ» ²⁾. Конечно, подобныя мелкія предирія не могли не имѣть хорошаго вліянія на нравственныя силы гарнизона. За этимъ первымъ удачнымъ началомъ послѣдовали другія вылазки, которыя производились въ большинствѣ случаевъ охотниками, вызванными отъ моряковъ, пѣхоты и саперъ. Исполняя необходимыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ смѣлыя порученія, команды эти наглядно вселяли въ гарнизонъ увѣренность въ своихъ силахъ, выказывая на его глазахъ боевое неуваженіе противнику. При такихъ вылазкахъ часто захватывались плѣнные и различныя вещи, инструменты и оружія противника. Нескончаемые и оживленные рассказы охотниковъ вызывали боевой азартъ у слуша-

телей и въ общемъ служили развитію удала и лихости между защитниками. Сначала появилось соревнованіе между отдѣльными личностями, которое незамѣтно перешло и на части. Но кромѣ всей этой пользы для нашихъ войскъ, вылазки, производимыя днемъ и ночью, не давали покоя противнику и удручающе дѣйствовали на него. Зачастую наши охотники подымали весь лагерь противника на ноги и заставляли его становиться въ ружье, ожидая серьезнаго нападенія съ нашей стороны. По свидѣтельству иностранцевъ, эти тревоги были особенно тягостны для англичанъ, медлительность которыхъ заставляла ихъ терять много времени, бросая работы и становясь въ ружье при первомъ крикѣ «ура!» горсти нашихъ удалцовъ. Такимъ образомъ вылазки наши, подымая своимъ удалствомъ и лихостью нравственныя силы въ нашихъ войскахъ, способствовали въ то же время утомленію и безпокойству противника и вліяли пагубнымъ образомъ на его моральныя и физическія силы. Объявляя о сдѣланныхъ подвигахъ въ приказѣ по гарнизону, Корниловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ходатайствовалъ у князя Меншикова, чтобы большинству изъ отличившихся были пожалованы знаки отличія военнаго ордена. На награды эти начальники смотрѣли не только какъ на воздаяніе за совершенныя подвиги, но видѣли въ нихъ средство для поднятія нравственныхъ силъ защитниковъ. Донесеніе Истомина Корнилову о поискахъ партій Бородинскаго и Бутырскаго полковъ заканчивается слѣдующею фразою: «...словомъ, эти двѣ небольшія партіи не давали имъ, сегодня, послѣ обѣда, покой, и Георгіевскій крестъ, который князь пожаловалъ Ланину, дастъ Богъ принесть прекрасныя плоды, возбуждивъ соревнованіе между двумя полками» ¹⁾.

Возбужденный въ гарнизонѣ духъ предиримчивости и захвата инициативы въ свои руки выказался не только въ дѣствіяхъ партій охотниковъ, но проявился также въ дѣлѣ обстрѣливанія ружейнымъ огнемъ работъ противника, несмотря на превосходство его въ вооруженіи. Удалось это достигнуть тѣмъ, что, съ приходомъ въ составъ гарнизона пѣхотныхъ полковъ, всѣхъ штуцерныхъ этихъ полковъ приказано было собрать въ особыя команды, и команды эти, диспозиціею отъ 20-го сентября, были отданы въ распоряженіе начальниковъ дистанцій оборонительной линіи. Ежедневно эти команды штуцерныхъ высылались впередъ для перестрѣлки съ противникомъ. Оказалось, что наши люди, какъ отборныя и специально под-

¹⁾ См. «Воен. Сбор.» 1894 г., № 4-й.

²⁾ Матеріалы А. Жаудра, стр. 251.

¹⁾ Матеріалы А. Жаудра, стр. 280.

готовленные, были гораздо искуснѣе въ стрѣльбѣ, чѣмъ противникъ, почему значительно замедляли своимъ огнемъ работы непріателя, а иногда имъ удавалось и совершенно разгонять рабочихъ. Про столь удачную дѣятельность нашихъ штуцерныхъ имѣются многочисленныя свидѣтельства.

Немало было тоже выказано инициативы руководителями Севастопольской обороны при возведеніи оборонительной линіи и ея вооруженіи. Они задались не только возведеніемъ достаточно сильныхъ преградъ противнику и укрѣпленій, обстрѣливающихся изъ большого числа орудій всѣмъ подступы къ осажденному городу, но преслѣдовали цѣль предупредить появленіе и дѣятельность непріательскихъ осадныхъ батарей, выставляя противъ нихъ заранѣе значительное число батарей приблизительно съ тѣмъ же числомъ орудій. Цѣль эта была почти достигнута, такъ что при осадѣ Севастополя роли осажденнаго и осаждающаго до нѣкоторой степени измѣнились и активную дѣятельность для предстоящей борьбы артилеріи выказывала не та сторона, какъ обыкновенно это бываетъ при осадахъ: «Здѣсь, по инициативѣ Тотлебена, дѣло стало въ обратное положеніе: не осаждающій соображался съ силою огня крѣпости, ему неизвѣстнаго, а осажденный старался противопоставить артилеріи союзниковъ большее число орудій и, разметавши эти орудія по разнымъ батареямъ небольшого протяженія, сосредоточить огонь ихъ въ одно мѣсто, чтобы въ то же время развлечь огонь непріателя такъ, чтобы постоянно имѣть надъ нимъ превосходство огня»¹⁾. Не говоря уже объ особенностяхъ оборонительной линіи Севастополя, такая полная инициативы дѣятельность по оборонѣ города могла быть достигнута только благодаря неисчерпаемымъ артилерійскимъ запасамъ флота и его арсеналовъ, и той энергіи, которую удалось вызвать во всѣхъ защитникахъ города.

Но не на однѣ искусственныя преграды и ихъ сильное вооруженіе надѣялся Корниловъ въ ожиданіи предстоящей борьбы съ противникомъ. Онъ отлично понималъ, что всякія боевыя дѣйствія только тогда могутъ быть удачны, когда каждый участникъ ихъ будетъ заранѣе знать, какъ ему лучше дѣйствовать и что ему предстоитъ дѣлать. Потому-то онъ и старается заранѣе выработать и показать подчиненнымъ планъ предстоящихъ дѣйствій, съ тѣмъ, чтобы, при началѣ боя, былъ возможенъ тотъ порядокъ въ развитіи и веденіи его, который всегда ведетъ къ успѣху. Дѣйствительно,

когда начальники и подчиненные знаютъ, что имъ необходимо дѣлать въ бою, то съ самаго начала боя никто не будетъ теряться и искать лучшаго способа дѣйствій, и противникъ сразу встрѣтитъ сильный и правильный отпоръ и не въ состояніи будетъ воспользоваться нашими слабыми сторонами. Во всѣхъ дѣйствіяхъ будетъ царствовать полное хладнокровіе, начальники не будутъ заняты въ горячія минуты боя спѣшными соображеніями объ отысканіи наилучшаго способа дѣйствій и о мѣрахъ передачи и разъясненія ихъ подчиненнымъ. Последніе сами будутъ исполнять свое дѣло, какъ вполне знакомую имъ и привычную работу. Умъ же и способности начальниковъ будутъ совершенно свободны для широкаго развитія и примѣненія находчивости, съ цѣлью немедленно воспользоваться всѣми ошибками, неудачами и слабостями противника, случайно явившимися при ходѣ боя. Однимъ словомъ, въ дѣятельности Корнилова мы видимъ присутствіе мѣръ, направленныхъ къ установленію возможно полнаго порядка въ предстоящемъ бою, такъ сильно, какъ извѣстно, вліяющаго на подъемъ нравственнаго духа, вслѣдствіе развитія въ высокой мѣрѣ увѣренности, хладнокровія и находчивости.

Къ числу этихъ мѣръ прежде всего относится разъясненіе войскамъ способа ихъ дѣйствій путемъ диспозицій и инструкцій. Какъ мы уже указывали, при всякой переменѣ данныхъ, въ смыслѣ ли увеличенія войскъ гарнизона, или измѣненія условій обороны даннаго участка постройкою новыхъ укрѣпленій, или при появленіи новыхъ данныхъ о противникѣ, войска получали сейчасъ же новыя диспозиціи, инструкціи или распоряженія, соотвѣтственно дополняющія прежде отданныя. Такъ что каждую минуту войска являлись вполне готовыми встрѣтить всякое покушеніе противника. Не скупился онъ то же на разъясненія своихъ намѣреній и диспозицій въ тѣхъ случаяхъ, когда выказывалось несознательное пониманіе ихъ войсками. Такъ, 26-го сентября, имъ отданъ былъ приказъ, въ которомъ было подробно указанъ способъ дѣйствій артилеріи и ея прислуги, цѣпи и сомкнутыхъ частей пѣхоты гарнизона, какъ на случай бомбардировки, такъ и на случай дневнаго и ночнаго штурма. Мы не приводимъ полностью этого приказа, но сдѣлаемъ изъ него двѣ выписки, съ цѣлью указать, что и редакція распоряженій Корнилова была строго соображена съ развитіемъ и укрѣпленіемъ въ войскахъ необходимыхъ качествъ для предстоящей борьбы. При обрисовкѣ характера дѣйствій для противодѣйствія дневному штурму, въ концѣ наставленія артилеристамъ сказано: «...и когда не-

¹⁾ «Записки князя В. И. Васильчикова». «Русск. Арх.» 1891 г., № 6-й, стр. 186.

приятель подойдет на картечный выстрѣлъ, то картечью, продолжая дѣйствіе даже и тогда, когда часть неприятеля ворвется; когда же онъ отобьетъ отъ орудій, то, не оставляя ихъ, обороняться холоднымъ оружіемъ, ибо, при могущемъ случиться отбитіи штурма, артилерія должна будетъ его преслѣдовать...»; наставленіе же гнѣхотѣ заканчивается слѣдующимъ указаніемъ: «Въ случаѣ прорыва неприятеля, войска наши должны собираться въ улицахъ и препятствовать распространенію неприятеля, удара въ него по возможности, стрѣлкамъ же пользоваться всѣмъ, что встрѣтится: домомъ, хатой и заборомъ, ибо, въ случаѣ прорыва, неприятель будетъ также разстроены, и слѣдовательно, рукопашный бой долженъ рѣшиться окончательно дѣло»¹⁾.

Изъ этихъ двухъ выписокъ видно, что Корниловъ нисколько не скрывалъ отъ войскъ силы противника и не убѣждалъ ихъ въ легкости противостоять ему, а напротивъ, вполне допускалъ возможность прорыва неприятеля во внутрь оборонительной линіи. Но въ то же время говорилъ войскамъ, что упорнымъ и настойчивымъ веденіемъ и продолженіемъ боя возможно и въ этомъ случаѣ одолѣть противника и говорилъ про подобное выходящее изъ ряда упорство безъ всякаго пафоса, какъ про вещь обыкновенную и вполне присущую подчиненнымъ ему войскамъ. Этимъ вселялась въ войска увѣренность въ ихъ способности вести бой столь героическимъ образомъ: да къ тому же они видѣли, что начальникъ ихъ вполне убѣжденъ въ столь высокихъ ихъ качествахъ. Послѣ подобныхъ словъ, конечно, никакой временной успѣхъ противника при нападеніи не являлся бы для войскъ неожиданностью и не повелъ бы за собой катастрофы, такъ какъ войска знали, что онъ предвидѣлся начальствомъ и знали, что они должны дѣлать и въ этомъ случаѣ.

Изъ другихъ мѣръ укажемъ на производство, 23-го сентября, примѣрнаго отбитія штурма на Малаховъ курганъ войсками четвертой дистанціи. Маневръ этотъ, кромѣ указанія войскамъ на практикѣ способа дѣйствій, указанного въ диспозиціяхъ и инструкціяхъ, принесъ еще ту пользу, что указалъ на недостаточность войскъ этой дистанціи, вслѣдствіе чего онѣ были усилены. Самъ Корниловъ присутствовалъ на этомъ ученіи и не упустилъ случая поговорить съ людьми. Къ этого же рода мѣрамъ мы отнесемъ и производство пробныхъ стрѣльбъ по осаднымъ работамъ противника 2-го и 4-го октября, такъ какъ онѣ были произведены: «для лучшаго приго-

товленія нашей артилеріи къ предстоящей ей борьбѣ...» и передъ начатіемъ ихъ, «...предварительно, на мѣстѣ тщательно опредѣленъ обстрѣлъ каждой амбразуры наведеніемъ орудій по щекамъ амбразуръ, и такимъ образомъ указаны орудія, которыя могли быть наведены на Рудольфову высоту». Кромѣ того: «при этой стрѣльбѣ были опредѣлены углы возвышенія»¹⁾.

Этими стрѣльбами, кромѣ достиженія главной ихъ цѣли—унорядоченія предстоящаго артилерійскаго состязанія съ осадными батареями, были достигнуты попутно и другіе не менѣе важные результаты: «Всѣ французскія батареи были сильно повреждены, въ особенности правая, обращенная къ 4-му бастиону; на нѣкоторыхъ изъ нихъ амбразуры открылись и ясно обозначилась туровая одежда ихъ», а въ другой разъ—«на французскихъ батареяхъ произведены такія же сильныя поврежденія, какъ и 2-го числа, а на англійскихъ обнаружены нѣкоторыя замаскированныя амбразуры»²⁾: Поврежденія эти, конечно, для гарнизона были фактическимъ доказательствомъ силы оборонительной линіи и какъ всякій, хотя бы и незначительный, успѣхъ съ нашей стороны, не могъ не имѣть значенія въ смыслѣ укрѣпленія духа обороняющагося.

Мы уже упоминали, что большинство редутовъ, батарей и бастионовъ было ввѣрено командованію флотскихъ офицеровъ, которые, въ силу своей привычки по службѣ на морѣ, являлись полными хозяевами ввѣренныхъ имъ участковъ обороны и отдѣльных укрѣпленій и считали себя вполне отвѣтственными не только за удачныя боевыя дѣйствія, но и за полное благоустройство во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и всякаго рода снабженій. Этотъ полный интересъ командировъ къ дѣятельности своихъ батарей еще больше усиливался тѣмъ, что принято было именовать укрѣпленія не номерами, а фамиліями ихъ командировъ. При такомъ приѣмѣ въ дѣло замѣшивалось самолюбіе начальниковъ, такъ какъ каждому понятна разница между выраженіями: «батарея № 26 дѣйствовала отлично» или «батарея Шемакина дѣйствовала отлично».

Нельзя обойти молчаніемъ постоянную заботливость, которую проявлялъ Корниловъ о своихъ подчиненныхъ; несмотря на громадность своихъ занятій въ это время, онъ, при своей энергіи, успѣвалъ обо всемъ подумать, представлять и просить, причемъ заботы эти доходили до мельчайшихъ подробностей быта и жизни нижнихъ чиновъ.

¹⁾ Тотлебенъ, ч. I, стр. 283.

²⁾ Тамъ же, стр. 283 и 284.

Объявленіемъ подробныхъ инструкцій по отправленію службы на батареяхъ и размѣщенію войскъ на дистанціяхъ выражалось стараніе не подвергать людей излишнему утомленію и расположить ихъ, до необходимости встрѣтить войсками штурмующія части противника, по возможности, скрытно. вмѣстѣ съ тѣмъ, по представленіямъ Корнилова, было разрѣшено: довольствіе морскою провизіею флотскихъ чиновъ гарнизона; рабочимъ нижнимъ чинамъ на батареяхъ выдавать заработчія деньги, какъ за адмиралтейскія работы; полкамъ были отпущены паруса для палатокъ; морскіе нижніе чины получили теплыя рубашки; черноморскіе пластуны, прибывшіе въ Севастополь почти нагими, получили сукно, холстъ и сапожный товаръ отъ морскаго вѣдомства, причемъ Меншиковъ писалъ по этому поводу Корнилову: «Прикажите объявить черноморцамъ, что за даруемую имъ одежду никакого взысканія учинено не будетъ...»¹⁾.

Корниловъ успѣвалъ тоже посѣщать госпитали, гдѣ имъ были призрѣны раненые подъ Алмой офицеры и нижніе чины. Разговаривая съ ними, онъ ободрялъ ихъ и, шутя, уговаривалъ поскорѣй выздоравливать, для очищенія мѣста защитникамъ Севастополя. Часть раненыхъ подъ Алмой офицеровъ была имъ отправлена въ Симферополь, причемъ онъ «нашелъ время написать губернатору письмо, прося его покровительствовать раненымъ»²⁾.

Заботы, вниманіе и привѣтливость Корнилова, конечно, не остались безъ оцѣнки со стороны подчиненныхъ и не только матросы, знавшіе его раньше, но и сухопутныя войска платили ему за это любовь и преданность. «... Крѣпко любили его солдаты за привѣтъ и доброе слово. Рѣчь его была впечатлительна, всякое слово было близко солдатскому уму и сердцу. При всякой встрѣчѣ и прощанія съ нимъ, солдаты говорили между собою: «вотъ такъ енераль; отецъ, а не енераль!...»³⁾.

Но такія отношенія нисколько не мѣшали ему быть взыскательнымъ и строгимъ, причемъ онъ всегда различалъ невольныя ошибки отъ неумѣія и нерадѣнія, и на первыя указывалъ, оберегая самолюбіе внавшихъ въ нихъ, а за вторыя каралъ. Однажды, незадолго до перваго бомбардированія Севастополя, 6-й резервный баталіонъ NN полка былъ посланъ на Пересыпь для возведенія по-

¹⁾ Матеріалы А. Жандра, стр. 290.

²⁾ Матеріалы А. Жандра, стр. 289.

³⁾ Матеріалы Н. Дубровина, вып. IV, стр. 157.

вой батареи. Придя на назначенное мѣсто, баталіонъ простоялъ безъ дѣла почти до разсвѣта. Наконецъ, явился флотскій офицеръ и сказалъ, что для постройки батареи слѣдуетъ взять бывшіе на берегу южной бухты желѣзныя систеры, насыпать ихъ землею и устанавливать одну надъ другою въ три ряда, такъ чтобы осталось четыре промежутка для амбразуръ. Не зная совершенно мѣстности Севастополя, пишетъ участникъ, и въ какомъ мѣстѣ и для какой охраны строить эту батарею, «NN рѣшили, что батарея должна защищать входъ въ бухту, а потому на выдающемся мыску уложили ящики, насыпали ихъ землею и оставили четыре амбразуры». Работа была уже окончена, когда подѣхалъ къ нимъ вице-адмиралъ Корниловъ. — «Что это вы, господа, для французовъ устроили батарею? спросилъ онъ, обращаясь къ офицерамъ. Она совершенно не для насъ; мы ожидаемъ непріятеля съ юга, а батарея обращена на сѣверъ».

Батарея была дѣйствительно обращена задомъ къ непріятелю. Корниловъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее казаку, самъ шагами размѣрилъ длину, обозначилъ ее колышками и указалъ направленіе для орудій. «Теперь, сказалъ онъ, обращаясь къ офицерамъ, во избѣжаніе насмѣшки, постарайтесь, по указанію моему, перестроить ее за-ново». Работа закипѣла; офицеры, подавая собою примѣръ, помогали нижнимъ чинамъ, и въ первомъ часу пополудни батарея была готова¹⁾.

Совсѣмъ другаго рода распоряженія мы видимъ послѣ несчастнаго случая ночью 25-го сентября. Въ эту ночь команда охотниковъ была выслана передъ 5-й бастионъ и наткнулась на нѣскольکو баталіоновъ французовъ, спрятанныхъ за возвышеніемъ; команда завязала перестрѣлку и начала отходить къ оборонительной линіи. Но туда еще раньше дано было знать казаками о непріятельскихъ баталіонахъ, а потому, когда цѣль дала знать на бастионъ о движеніи колонны, то пробита была тревога, и съ 5-го бастиона и редута открытъ былъ картечный огонь. Вскорѣ оказалось, что обстрѣлу подверглись наши же охотники и понесли потерю. За такую торопливость въ открытіи огня, безъ всякаго принятія мѣръ къ разъясненію донесенія, были смѣнены начальникъ батареи первой дистанціи и командиры 5-го бастиона и редута. Кромѣ того, на другой день былъ отданъ приказъ съ подробнымъ разъясненіемъ порядка дѣйствій, о которомъ мы упоминали выше. Въ концѣ этого

¹⁾ Н. Дубровинъ, стр. 194 и 195.

приказа мы находимъ слѣдующія указанія: «... при ночныхъ тревогахъ надлежитъ быть крайне осмотрительнымъ, ибо часто такового производится непріателемъ для утомленія гарнизона, дабы встрѣтить его къ разсвѣту уставшимъ: въ лунныя ночи, подобно нѣмѣшнымъ, такъ легко отличить движущіяся массы, что въ самую плохую трубу можно распознать ихъ численность, и стоитъ только имѣть въ соображеніи, что для нападенія на Севастополь требуется армія, а не баталіоны, чтобы не нарушить бесполезно сонъ людей»¹⁾.

Заканчивая обзоръ мѣрь, принятыхъ Корниловымъ для подготовки обороны Севастополя во всѣхъ отношеніяхъ, нельзя не сказать, что, благодаря его, выходящей изъ ряда, энергіи и единодушн. помощи такихъ сотрудниковъ, какъ Нахимовъ, Истомина, Тотлебенъ, Ползиковъ, ему удалось въ весьма короткій промежутокъ времени, съ 14-го сентября по 5-е октября, сдѣлать весьма многое. За это время южная сторона получила дѣйствительно непрерывную оборонительную линію, упиравшуюся обоими своими концами въ рейдъ. Всѣ семь бастіоновъ и Малаховъ курганъ, составлявшіе главные пункты этой линіи, были закончены и вооружены, пространство между ними занято было оборонительными стѣнками и отдѣльными батареями и укрѣпленіями. Вновь было построено за это время болѣе 20-ти батарей, не считая улучшенія и перестройки бывшихъ или начатыхъ. Вооруженіе обороны возросло вдвое. Въмѣсто бывшихъ 172-хъ орудій къ 14-му сентября, теперь ихъ находилось всего 341 орудіе. Изъ этого числа только 116 орудій осталось прежнихъ и на тѣхъ же мѣстахъ, вновь же поставлено на оборонительную линію 206 орудій, преимущественно большихъ калибровъ—24-хъ, 36-ти и 68-ми-фунтовыхъ. Орудія по цѣли своей постановки распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 118 назначалось для обстрѣливанія осадныхъ батарей противника, 160—дѣйствовало по впередилежащей мѣстности, обстрѣливая пункты, удобные для занятія противникомъ, и 63 орудія назначались для фланговой, тыльной и внутренней обороны²⁾. Кромѣ того, одинъ корабль и семь пароходовъ, введенные въ глубину бухты южнаго берега или расположенные на рейдѣ близъ фланговъ оборонительной линіи, могли огнемъ своимъ содѣйствовать оборонѣ. Для усиленія обороны нѣкоторыхъ главныхъ пунктовъ были заложены 27 камнемётныхъ фугасовъ и устроены засѣки.

Конечно, одно перечисленіе построекъ и счетъ орудій не даетъ понятія о массѣ приложеннаго труда, а потому хотя для слабого характеризованія понесенныхъ защитниками усилій напомнимъ, что всѣ эти укрѣпленія строились изъ приносной земли, которую приходилось приносить издалека, такъ какъ слой земли надъ скалой былъ крайне тонокъ. Переноска производилась въ мѣшкахъ и куляхъ изъ рогожи. Да и эта земля не имѣла никакой вязкости, такъ какъ состояла зачастую изъ мелкаго щебня и земляной пыли, утрамбовать которую въ насыпяхъ опять стоило немощныхъ усилій. Для одежды этихъ разсыпавшихся укрѣпленій не имѣлось ни лѣса, ни дерна. Зачастую «внутреннія крутости батарей поддерживались стѣнками, сложенными изъ камня на-сухо, или изъ глины, причемъ насыпка земли производилась по мѣрѣ возведенія этихъ стѣнокъ. Щеки амбразуръ имѣли весьма слабыя одежды, что должно было значительно ослаблять и затруднять дѣйствіе нашей артилеріи. Многія изъ нихъ были одѣты земляными мѣшками и это были лучшія одежды, несмотря на то, что отъ выстрѣловъ они часто загорались и обсыпались. Другія амбразуры имѣли досчатые и глиняныя одежды, которыя были еще менѣ прочны. У амбразуръ, не имѣвшихъ одежды, щеки обмазывались глиною»¹⁾. Эти-то на-скоро возведенныя укрѣпленія на протяженіи семиверстной оборонительной линіи и долженъ былъ отстаивать гарнизонъ, число котораго въ это время состояло изъ 43-хъ баталіоновъ, одного сапернаго баталіона и 28-ми полевыхъ орудій, силою всего до 32,000 человекъ. Не забудемъ, что изъ сказаннаго числа 13 баталіоновъ было морскихъ, въ первый разъ вступающихъ въ борьбу съ противникомъ на сушѣ.

Непріятель успѣлъ за это время построить осадныя батареи, вооруженныя 120-ю орудіями большого калибра, и имѣлъ въ своемъ распоряженіи армію силою до 80,000 человекъ. Съ нашей стороны хотя и стояла на сѣверной сторонѣ полевая армія Меншикова, силою около 20,000 человекъ, но на активныя ея дѣйствія въ предстоящей борьбѣ трудно было рассчитывать. Усиленные работы и труды защитниковъ на пользу обороны; частныя удачи въ пораженіи противника какъ артилерійскимъ, такъ и ружейнымъ огнемъ, и постоянныя лихія и дерзкія предпріятія мелкими охотничьими партіями; полное довѣріе войскъ къ своему начальнику, благодаря вниманію его къ нравственному элементу, успѣли за это короткое

¹⁾ Матеріалы А. Жандра, стр. 261 и 262.

²⁾ Тотлебенъ, ч. I, стр. 296—299.

¹⁾ Тамъ же, стр. 294.

время сложить въ гарнизонѣ увѣренность въ своихъ силахъ и возвысить до крайнихъ предѣловъ нравственный духъ людей. Потому-то Корниловъ и могъ быть убѣжденнымъ въ возможности отстоять Севастополь. Наканунѣ бомбардированія онъ говорилъ: «Завтра будетъ жаркій день, англичане употребятъ всѣ средства, чтобы произвести полный эффектъ; я опасаюсь за большую потерю отъ непривычки; впрочемъ, наши молодцы скоро устроятся, — безъ урока же сдѣлать ничего нельзя, а жаль, многіе изъ насъ завтра слягутъ»¹⁾.

Таковой успѣхъ въ усиленіи обороны Севастополя и неимовѣрные труды его гарнизона не остались безъ должной оцѣнки; князь Меншиковъ донесъ объ этомъ, и 4-го октября, въ приказѣ по черноморскому флоту, онъ могъ объявить слѣдующія милостивыя слова Государя: «Удостоился получить всемилостивѣйшій Государя Императора рескриптъ, въ коемъ Его Императорское Величество изволилъ выразиться: «Благодари всѣхъ за усердіе; скажи нашимъ молодцамъ-морякамъ, что Я на нихъ надѣюсь на сушѣ, какъ на морѣ. Никому не унывать, надѣяться на милосердіе Божіе; помнить, что мы, русскіе, защищаемъ родимый край и вѣру нашу, и предаться съ покорностію волѣ Божіей! Да хранить васъ всѣхъ Господь; молитвы Мои за васъ и наше правое дѣло, а душа Моя и всѣ мысли съ вами». Объявляя о сихъ неизрѣченно милостивыхъ словахъ Его Императорскаго Величества по черноморскому флоту, я вполне увѣренъ, что слова эти глубоко западутъ въ душу каждаго изъ насъ и что всѣ мы, вѣрноподанные, исполняя долгъ вѣрноподанныхъ, будемъ защищать до послѣдней капли крови нашъ родимый край и вѣру нашу, и охотно умремъ за Царя и Русь святую»²⁾.

Между тѣмъ, противникъ, преодолевъ всѣ трудности по постройкѣ и вооруженію достаточнаго, по его мнѣнію, числа осадныхъ батарей, рѣшилъ 5-го октября приступить къ овладѣнію Севастополемъ. Успѣхъ этого покушенія былъ основанъ на силѣ артиллерійскаго огня противъ нашей оборонительной линіи. Союзники рассчитывали, приготовивъ войска къ штурму, усиленнымъ бомбардированіемъ съ суши и моря сбить нашу артилерію и затѣмъ направить штурмовыя колонны для окончательнаго овладѣнія городомъ.

Съ разсвѣтомъ, 5-го числа, съ нашей стороны былъ открытъ обыкновенный огонь по работамъ противника, но вскорѣ замѣчено было, что осадныя батареи открыли свои замаскированныя амбразуры, а

въ 6^{1/2} часовъ утра онѣ одновременно открыли самый частый огонь изъ всѣхъ орудій. Наши орудія, назначенныя для состязанія съ осадными батареями, сейчасъ же начали отвѣчать такимъ частымъ огнемъ, къ которому моряки привыкли въ морскомъ бою. Французы изъ своихъ 49-ти осадныхъ орудій направили огонь на 4-й, 5-й и 6-й бастионы съ промежуточными батареями и постройками и привлекли на себя огонь укрѣпленій городской стороны, въ числѣ 64-хъ орудій. Англичане же съ своей стороны успѣли выставить 71 орудіе и сосредоточить свой огонь преимущественно по 3-му бастиону, затѣмъ по Малахову кургану и отчасти по 4-му бастиону. Имъ отвѣчали наши батареи корабельной стороны изъ 54-хъ орудій.

Съ началомъ стрѣльбы Корниловъ поскакалъ на 4-й бастионъ и тутъ, разговаривая съ комендорами и давая имъ указанія, переходилъ отъ одного орудія къ другому вдоль всего фронта бастиона и прилегающихъ построекъ. Вездѣ онъ нашелъ полное усердіе и воодушевленіе; матросы, не щадя силъ и снарядовъ, увлекались скоростью стрѣльбы, несмотря на то, что все пространство до непріятеля заволкло дымомъ. Неоднократно было отдаваемо приказаніе стрѣлять рѣже, но трудно было удержать увлеченныхъ боемъ моряковъ отъ привычнаго имъ рода огня. Большинство ихъ поддалось увлеченію первымъ боемъ, любуясь на примѣръ и воодушевленіе своихъ начальниковъ. Про Корнилова очевидецъ говоритъ слѣдующее: «Покойно и строго было выраженіе его лица, легкая улыбка едва замѣтно играла на его устахъ, глаза — эти удивительные, умные и проницательные глаза — свѣтились ярче обыкновеннаго, щеки пылали; высоко держалъ онъ голову, сухощавый и нѣсколько согнутый станъ его выпрямился; онъ весь какъ будто сдѣлался выше ростомъ.....; я никогда не видѣлъ человѣка прекраснѣе его въ эти минуты»¹⁾. Покончивъ обходъ этого участка линіи, Корниловъ поѣхалъ на 5-й бастионъ. Одинъ изъ сопровождавшихъ его офицеровъ рассказываетъ: «Въ лоцинѣ онъ проѣхалъ возлѣ Тарутинскаго баталіона; солдаты провожали его глазами и, слѣдуя за нимъ, я слышалъ слова: «вотъ этотъ такъ молодець», которыми тарутинцы выражали свое мнѣніе о нашемъ адмиралѣ»²⁾. На 5-мъ бастионѣ распорядился и направлялъ дѣйствія людей адмиралъ Нахимовъ, который въ своей неизмѣнной формѣ, отличающей его отъ всего гарнизона, сюртукъ съ эполетами, какъ на кораблѣ,

¹⁾ Матеріалы А. Жандра, стр. 292.

²⁾ Тамъ же, стр. 395 и 396.

¹⁾ Тамъ же, стр. 293.

²⁾ Тамъ же, стр. 293.

не замѣчалъ окружающей его опасности. Онъ былъ уже легко раненъ въ голову пулею, и когда ему кто-то сказалъ: «Вы ранены, Павелъ Степановичъ?» — «Не правда-съ!» воскликнулъ онъ энергически. Но черезъ мгновеніе, проведя рукою по окровавленному лицу, онъ прибавилъ: «Слишкомъ мало-съ, чтобы объ этомъ заботиться, слишкомъ мало-съ!»¹⁾ Несмотря на рану, «Нахимовъ не щадилъ своей жизни и въ порывѣ геройскаго увлеченія самъ направлялъ орудія, открыто становясь въ амбразуры»²⁾. Оба адмирала взошли на банкетъ у исходящаго угла и долго наблюдали за дѣйствіемъ нашего огня. Неприятельскій огонь велся столь же оживленно и бастионъ осыпался его ядрами. Командиръ бастиона, видя какой опасности подвергаются два любимые адмирала флота, доложилъ Корнилову, что его присутствіе на бастионахъ доказываетъ недовѣріе къ подчиненнымъ, «и просилъ его уѣхать, обѣщая исполнить свой долгъ»; Корниловъ возразилъ: «А зачѣмъ же вы хотите мѣшать мнѣ исполнить свой долгъ? мой долгъ—видѣть всѣхъ»³⁾. Затѣмъ онъ побывалъ на наиболѣе пострадавшей открытой батарее, на оборонительной казармѣ бастиона и поѣхалъ далѣе къ 6-му бастиону. По дорогѣ онъ приказалъ доставить на каждый бастионъ по нѣсколько бочекъ воды, такъ какъ замѣтилъ, что прислуга орудій томится жаждою. Боязнь, что при такой силѣ огня никакихъ средствъ не достанетъ, заставила его поѣхать домой и сдѣлать необходимые распоряженія къ безостановочному снабженію батарей зарядами и снарядами.

Но не только усиленнымъ отвѣтнымъ огнемъ приходилось бороться осажденнымъ противъ открывагося бомбардированія. Какъ уже было сказано, наши укрѣпленія не могли отличаться прочностью; хрящеватая, неслежавшаяся насыпь брустверовъ легко осыпалась отъ попадавшихъ снарядовъ. Особенною непрочностью отличались амбразуры, одежда которыхъ или обваливалась, или загоралась. Поэтому приходилось подъ непрерывнымъ огнемъ постоянно рачищать ихъ и дѣлать неотложныя исправленія. Съ самою безавѣтною удалю матросы и санеры исполняли эти работы. Не меньше потерь несли и войска, предназначавшіяся для отбитія штурма, хотя для этого держалось на-готовѣ въблизи укрѣпленій только самое необходимое число, но потери въ нихъ при ихъ бездѣятельности долж-

¹⁾ П. Алабинъ, ч. III, стр. 72.

²⁾ Тотлебенъ, ч. I, стр. 303.

³⁾ Матеріалы А. Жандра, стр. 294.

ны были имѣть, кромѣ физическаго, еще и большее нравственное впечатлѣніе.

Между тѣмъ, вслѣдствіе небольшой высоты брустверовъ и превышенія позицій союзниковъ, пришлось отвести еще болѣе назадъ и тѣ небольшія части, которыя оставались на укрѣпленіяхъ, ограничившись оставленіемъ войскъ лишь на линіи огня. Но и при этомъ трудно было найти достаточно закрытій для войскъ; вся внутренность бастионовъ 3-го, 4-го и 5-го была подъ сосредоточеннымъ огнемъ противника. Поэтому съ самаго начала бомбардировки явилось значительное число потерь и уборка раненыхъ встрѣчала затрудненія. Но скоро и эта часть пришла въ порядокъ, тѣмъ болѣе, что арестанты просили разрѣшенія заняться этимъ дѣломъ и исполняли его съ полнымъ самоотверженіемъ. Вообще, воодушевленіе войскъ скоро охватило все населеніе Севастополя, такъ что на бастионахъ зачастую появлялись женщины-матроски и ихъ дѣти, подносившія, несмотря на огонь, воду томившимся раненымъ. Около 9^{1/2} часовъ послѣдовалъ на французскихъ батареяхъ значительный взрывъ пороховаго погреба.

Князь Меншиковъ тоже прибылъ и, объѣхавъ лѣвый флангъ линіи, направился къ Корнилову. Послѣдній доложилъ ему о положеніи дѣлъ на 1-й и 2-й дистанціяхъ, и такъ какъ въ это время огонь французскихъ батарей уже сдѣлался слабѣе, то командующій отбылъ на сѣверную сторону. Корниловъ же снова поѣхалъ на оборонительную линію и на уговоры окружавшихъ не ѣздить отвѣтилъ: «что скажутъ обо мнѣ солдаты, если сегодня они меня не увидятъ»¹⁾. На 4-мъ бастионѣ дѣло шло очень хорошо, разстройство взрывомъ одной изъ французскихъ батарей позволило намъ сосредоточить огонь по другимъ, и около 10-ти часовъ другой взрывъ погреба у французовъ рѣшилъ участь состязанія на этомъ флангѣ. Около 10^{1/2} часовъ французскія батареи окончательно замолкли. Не то было на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Англійскія батареи, превосходившія насъ и числомъ орудій, и калибромъ ихъ, и мортирнымъ огнемъ, и удачнымъ расположеніемъ своихъ батарей, въ особенности донимали 3-й бастионъ, опасное положеніе котораго уже начало выясняться при прибытіи Корнилова. Но на лицо еще были главные герои—руководители обороною этого пункта—моряки Рачинскій, Ергомышевъ и Попандуполо; они своимъ примѣромъ и энергіею продолжали вести ожесточенную борьбу съ сильнымъ про-

¹⁾ Матеріалы А. Жандра, стр. 296.

тивникомъ. Насколько обязанности долга глубоко вкоренены были въ морской семьѣ, показываетъ слѣдующій извѣстный разсказъ. На этой же дистанціи одною изъ батарей командовалъ сынъ упомяну- таго капитана 1-го ранга Понандоуло и въ началѣ бомбардирова- нія ему оторвало руку. Подбѣжавъ къ сыну, Понандоуло благо- словилъ его и, сказавъ: «до свиданія, — увидимся!»¹⁾, возвратился къ своему посту. Дѣйствительно, вскорѣ раненаго и контуженнаго героя вносили въ тотъ же госпиталь, гдѣ умиралъ его сынъ.

Съ 3-го бастиона Корниловъ, вдоль оборонительной линіи, на- правился на Малаховъ курганъ. По дорогѣ 44-й флотскій экипажъ встрѣтилъ своего любимаго начальника громкимъ «ура», — «будемъ кричать «ура» тогда, когда собьемъ англійскія батареи, а теперь покаместъ только эти замолчали», сказала адмиралъ, указывая на французскія батареи...»²⁾.

Сдѣлавъ по дорогѣ распоряженіе о передвиженіи баталіоновъ Московскаго полка, для болѣе укрытаго ихъ расположенія, Корни- ловъ прибылъ на Малаховъ курганъ, гдѣ верхняя батарея на баш- нѣ была значительно повреждена, такъ что огонь съ нея уже пре- кратился, но руководимыя хладнокровнымъ и энергичнымъ Исто- минымъ, земляныя батареи отстрѣливались отъ губительнаго огня противника.

Пробывъ здѣсь до половины 12-го часа, Корниловъ хотѣлъ еще пробѣхать къ полкамъ въ Ушаковой балкѣ, но при спускѣ съ кургана ему раздробило ядромъ лѣвую ногу у самага живота. Ни стона, ни крика никто изъ окружающихъ не слышалъ; единственными словами, произнесенными героемъ, были: «отстаивайте же Севастополь»³⁾; послѣ чего онъ потерялъ сознаніе.

Въ это время уже и на морѣ начиналось состязаніе наше съ противникомъ. Непріятельскій флотъ постепенно сталъ занимать по буйкамъ охватывающую позицію противъ батарей: Александров- ской, № 10-го, Константиновской, Карташевскаго и Волохова баш- ни. Въ началѣ 2-го часа раздался первые залпы съ союзнаго флота и бомбардированіе приморскихъ батарей приняло огромные раз- мѣры. Флотъ дѣйствовалъ орудіями одного борта, въ числѣ 1,244 орудій, на которыя помянутыя наши батареи отвѣчали всего 152 орудіями⁴⁾. Полный штиль на морѣ способствовалъ заволакиванію

густымъ дымомъ всего пространства между флотомъ и батареями, такъ что только сверкавшіе огни выстрѣловъ опредѣляли направле- ніе цѣлей. Прислуга нашихъ открытыхъ батарей, видя силу про- тивника, искала помощи въ развитіи неимоверной скорости огня.

Въ Севастополѣ, между тѣмъ, Корниловъ, перенесенный въ гос- питаль, доживалъ послѣднія минуты, но и въ это время всѣ мысли и надежды его были обращены къ флоту, Севастополю и дорогимъ защитникамъ ихъ. Утѣшая находившихся при немъ, онъ говорилъ: «рана моя не такъ опасна; Богъ милостивъ, я еще переживу пора- женіе англійчанъ»¹⁾. Когда же близость смерти стала и ему явствен- на, онъ произнесъ: «скажите всѣмъ, какъ приятно умирать, когда совѣсть спокойна»; потомъ, повременивъ, онъ продолжалъ: «благо- слови Господи Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ»²⁾. Послѣднія слова, произнесенныя имъ уже черезъ силу, были: «ура!» «ура!», въ отвѣтъ на принесенное извѣстіе о сбитіи англійскихъ ба- тарей. Такимъ образомъ, онъ отошелъ въ вѣчность съ мыслью, что дѣло, въ которое онъ вложилъ всю душу свою, окончилось полною удачею.

Но послѣднее извѣстіе на самомъ дѣлѣ было еще преждевремен- нымъ; напротивъ, 3-й бастионъ въ это время находился въ самомъ критическомъ положеніи. Перекрестный огонь превосходящихъ ка- либромъ и числомъ англійскихъ орудій съ Зеленой и Воронцовской высотъ наносилъ ему значительныя поврежденія, треть вооруженія бастиона уже была сбита, передъ остальными же орудіями амбра- зуры были совершенно разрушены. Только желѣзное упорство и храбрость командировъ-моряковъ Ергомышева, Лесли и Рачинскаго заставляло обороняющагося не признавать надъ собой перевѣса про- тивника и продолжать энергическое противодѣйствіе. Потери были громадны, прислуга у орудій была уже два раза замѣщена и, не- смотря на это, «... амбразуры расчищались немедленно; сами офи- церы, подавая примѣръ, выходили на брустверь и принимали участіе въ работѣ, а матросы ревностно помогали саперамъ»³⁾.

Но около 3-хъ часовъ надъ бастиономъ стряслась окончательная бѣда. Непріятельская бомба пробилла пороховой погребокъ, въ исхо- дящемъ углу бастиона, и произвела громадный взрывъ: «... вся пе- редняя половина бастиона была сброшена въ ровъ, орудія и станки были опрокинуты, вездѣ валялись обгорѣлые, обезображенные

¹⁾ П. Алабинъ, ч. III, стр. 72.

²⁾ Матеріалы А. Жандра, стр. 297.

³⁾ Матеріалы А. Жандра, стр. 298.

⁴⁾ Тоголебенъ, ч. I, стр. 316.

¹⁾ Матеріалы А. Жандра, стр. 299 и 300.

²⁾ Тамъ же, стр. 300.

³⁾ Тоголебенъ, ч. I, стр. 311.

Т. ССХVІІ.—Огд. I.

трупы, а вдали, сквозь гулъ и адскій грохотъ орудій, слышались крики торжествующаго непріятели. При взрывѣ погибло болѣе 100 человѣкъ; отъ многихъ, въ томъ числѣ отъ капитанъ-лейтенанта Десли, не было найдено никакихъ слѣдовъ¹⁾.

Но ничто не могло поколебать крѣпости духа севастопольскихъ моряковъ; къ нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ орудіямъ, имѣя во главѣ офицеровъ, сейчасъ же подбѣжала новая прислуга отъ близъ стоящаго 41-го экипажа, къ нимъ на помощь пришла команда въ 75 человѣкъ съ корабля «Ягудиль», и скоро съ этого бастіона вновь былъ открытъ огонь. Сосѣднія батареи съ криками «ура» участвовали до крайности огонь, а вызванная команда охотниковъ, подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ, несмотря на значительныя потери, подносила заряды отъ госпитальной пристани.

Не съ меньшимъ ожесточеніемъ, хотя и болѣе успѣшно, продолжалась борьба на Малаховомъ курганѣ. Хотя верхній этажъ башни былъ уже совершенно разрушенъ и осколки камней ея поражали прислугу окружающихъ батарей съ тыла, но огонь продолжался съ неменьшею силою. Матросы находили утѣшеніе не только въ примѣрѣ своихъ достойныхъ начальниковъ, но и въ благословеніи священника, который около двухъ часовъ не выходилъ изъ огня, обходя съ крестомъ въ рукѣ орудія и благословляя прислугу на дальнѣйшіе подвиги²⁾.

Въ 3 часа 50 минутъ и на англійской батарее произошло взрывъ, а вслѣдъ затѣмъ на Малаховомъ курганѣ взорвало зарядный ящикъ, что не помѣшало продолженію дѣйствій.

Не слѣдя за подробностями боя флота съ береговыми батареями, такъ какъ мы упомянули уже, что и здѣсь люди проявили ту же высоту нравственнаго духа и упорство въ борьбѣ съ превосходнымъ непріателемъ, скажемъ только, что развязка его, послѣдовавшая около 6-ти часовъ вечера, была во многомъ неожиданная и вполнѣ удачная для защитниковъ Севастополя.

Въ 6 часовъ непріятельскіе корабли начали постепенно выходить изъ линіи, провожаемые огнемъ нашихъ батарей. Изъ послѣднихъ понесла значительныя поврежденія и потери лишь Константиновская, на верхней платформѣ которой были сбиты почти всѣ орудія. Остальныя же батареи понесли очень незначительныя поврежденія и потери, простиравшіяся всего до 138 человѣкъ. Вредъ

же, нанесенный ихъ дѣйствіемъ союзному флоту, былъ соразмѣрно весьма великъ, такъ что противникъ принужденъ былъ отправить нѣсколько кораблей для значительныхъ исправленій въ Константинополь. Людми же флотъ потерялъ 520 человѣкъ. Столь неудачное дѣйствіе флота объясняется прежде всего тѣмъ, что адмиралы положили произвести лишь демонстративное нападеніе, а потому и не сошлись на рѣшительную для нихъ дистанцію. А затѣмъ батареи наши, въ большинствѣ земляныя и высоко стояція надъ поверхностью моря, конечно, могли наносить деревяннымъ судамъ противника болѣе значительный вредъ, чѣмъ тѣ съ своей стороны, ибо ихъ снаряды, если не попадали въ брустверь, далеко перелетали черезъ всю батарею.

Такимъ образомъ, послѣ 6-ти часовъ вечера только англійскія батареи продолжали довершать разрушеніе 3-го бастіона. Разрушеніе это было дѣйствительно полное и изъ 22-хъ орудій тамъ могло отвѣчать противнику только два, но оставшіеся при нихъ цѣлыми пять человѣкъ прислуги продолжали дѣйствовать, пока не выпустили послѣднихъ зарядовъ. Съ наступленіемъ сумерокъ, и на этомъ флангѣ бомбардированіе прекратилось.

Потери наши на сушѣ были довольно значительны и простирались до 1,112 человѣкъ, союзники же потеряли около 348 человѣкъ¹⁾.

Итакъ, первое бомбардированіе Севастополя принесло союзникамъ полную неудачу дѣйствій съ моря, еще болшую неудачу на французскомъ участкѣ осады и лишь частную удачу англійскихъ батарей, да и то на одномъ пунктѣ нашего фронта — 3-мъ бастіонѣ. Насколько эта удача была незначительна, по отношенію къ общимъ результатамъ предпринятой противникомъ операціи, видно изъ того, что онъ не рѣшился пустить приготовленные для штурма войска. Нельзя не сказать поэтому, что, въ общемъ, день 5-го октября принесъ союзникамъ лишь отрицательные результаты, такъ какъ заставилъ ихъ разочароваться въ своей силѣ, убѣдиться въ неожиданной силѣ обороняющагося и отказаться, подъ вліяніемъ этой силы, отъ предначертанныхъ дѣйствій.

Понятно, какое впечатлѣніе долженъ былъ оставить этотъ день на наши войска; онъ доказалъ имъ наглядно нашу силу, убѣдилъ въ возможности не только противостоять дѣйствіямъ противника, но и заставлять его отказываться отъ рѣшительныхъ противъ насъ дѣй-

¹⁾ Тамъ же, стр. 311.

²⁾ Матеріалы А. Жандра, стр. 302.

¹⁾ Тотлебенъ, ч. I, стр. 326 и 327.

ствій. День этотъ могъ еще больше вселить увѣренность въ себя и тѣмъ усилить до высшихъ предѣловъ нравственный духъ осажденныхъ. Настроеніе это воплѣ и выказалось въ ночь, послѣдующую за бомбардированіемъ. Несмотря на дневное утомленіе во время боя и понесенныя не малыя потери, съ прекращеніемъ огня, на всей оборонительной линіи и въ особенности на 3-мъ бастіонѣ закипѣли самыя энергичныя работы по исправленію понесенныхъ поврежденій и усиленію дѣятельности оборонительной линіи. 3-й бастіонъ приходилось исправлять почти совсѣмъ заново. Орудія и платформы приходилось откапывать, разбирать и вновь устанавливать; взорванную часть бруствера пришлось вновь насыпать, прорѣзать и обдѣлать амбразуры, очистить засыпанный ровъ и построить пороховые погребки. На другихъ же пунктахъ исправить всѣ поврежденія, подмѣнить подбитыя орудія, построить новые траверсы отъ анфиладнаго огня и снабдить всѣ батареи запасомъ зарядовъ и снарядовъ. Но обширность этихъ работъ не остановила предприимчивости гарнизона; за ночь все было исполнено, вновь поставлено и замѣнено въ общемъ 40 орудій; 3-й бастіонъ снова представлялъ грозную силу съ 19-ю орудіями, и утромъ, 6-го числа, союзники увидели нашу оборонительную линію еще болѣе усилившеюся и готовою снова выказать столь же рѣшительное противодѣйствіе. Это должно было произвести тѣмъ болѣе сильное нравственное впечатлѣніе на обѣ стороны въ выгодномъ для насъ направленіи, что французскія батареи не могли еще 6-го числа открыть огня и цѣлый день принуждены были хранить полное молчаніе. Англійскія же батареи въ этотъ день снова открыли столь же сильный огонь, какъ и наканунѣ, но уже ни въ этотъ день, ни въ послѣдующіе, когда къ нимъ снова присоединились исправленные и вновь построенныя французскія батареи, они не могли достигнуть и такихъ результатовъ, какіе были ими достигнуты въ первый день. Частныя поврежденія, наносимыя нашимъ укрѣпленіямъ, не только сейчасъ же съ прекращеніемъ огня исправлялись, но съ каждымъ днемъ оборонительная линія росла и усиливалась постройкою новыхъ укрѣпленій и прибавкою числа орудій. Къ тому же, въ эти дни мы зачастую добивались нашимъ огнемъ и довольно значительныхъ успѣховъ. Такъ, 7-го числа, въ день возобновленія огня французскими батареями, на нихъ опять были произведены два значительныхъ взрыва, а одна изъ батарей принуждена была замолчать уже въ 10 часовъ утра. Вообще же, французскія батареи въ этотъ день принуждены были къ 3-мъ часамъ дня прекратить огонь.

Результаты какъ перваго дня бомбардированія, такъ и послѣдующихъ, окончательно заставили противника отказаться отъ мечты скоро овладѣть Севастополемъ помощью бомбардированія и немедленнаго за нимъ штурма. Противникъ убѣдился на опытъ, что однимъ огнемъ съ дальняго разстоянія невозможно сломить упорство и силу защитниковъ, а слѣдовательно, и рискованно рѣшиться на столь мало подготовленный штурмъ. Приходилось признать силу врага и перейти къ болѣе медленному способу — правильной осадѣ. За эти-то работы противникъ и принялся немедленно. Но и тутъ онъ на первыхъ порахъ встрѣтился снова съ энергичнымъ противодѣйствіемъ обороняющагося, исполненнымъ полной инициативы. Въ ночь съ 8-го на 9-е число со всѣхъ отдѣленій оборонительной линіи были посланы для тревоженія и порчи работъ противника мелкія команды охотниковъ. Одна изъ этихъ командъ, подъ начальствомъ лейтенанта Троицкаго, успѣла захватить въ темнотѣ французскую батарею и заклепать на ней нѣсколько орудій.

Такимъ образомъ, только одну неизгладимую потерю нанесли союзники въ день 5-го октября защитникамъ Севастополя — эта потеря была въ лицѣ ихъ начальника, составлявшаго всю душу обороны — Корнилова. Незамѣнима была эта потеря, но тотъ духъ, которымъ онъ воодушевилъ и соединилъ въ одну общую семью защитниковъ роднаго города, не могъ уже вывѣтриться и не боялся никакихъ послѣдующихъ испытаній. Одинъ изъ иностранныхъ историковъ такъ говоритъ о первыхъ дняхъ организаціи обороны Севастополя: «русская армія удалась и о ней не было никакого слуха. Флотъ стоялъ неподвижно, какъ бы на мели. Войска, оставленныя въ небольшомъ числѣ на защиту города, состояли изъ солдатъ резерва, моряковъ и рабочихъ, болѣею частью необученныхъ дѣйствию на сухомъ пути. Но всѣ эти люди были единоплеменны, поданные одного Государя, исповѣдывали одну вѣру, говорили между собой на одномъ языкѣ, одушевлены были жизнью, страстью, волею могучей націи. И вотъ почему отсутствіе арміи, при появленіи непріятеля, не повлекло за собою паденіе Севастополя. Народъ твердый и рѣшительный занялъ постъ, оставленный главнокомандующимъ и его арміею. Блистательный фасадъ обрушился, но за нимъ выселись гранитныя стѣны. Корниловъ съ горстью людей различныхъ сословій, но взаимно связанныхъ призывомъ отечества, имѣлъ право сказать, что *защита будетъ русская*»¹⁾.

¹⁾ М. Богдановичъ, т. III, стр. 65.

Нельзя не согласиться съ этими вѣрными взглядами иностранца, но необходимо замѣтить, что насколько легко перечислить наличность всѣхъ благоприятныхъ матеріаловъ для созданія этой гранитной стѣны—русской защиты, настолько же трудно самое созданіе ея. Въ этомъ-то и состоитъ вся великая заслуга Корнилова. Природныя доблестныя силы всякаго народа всегда находятся въ наличности, но не всякому удастся вызвать ихъ къ дѣятельности. Корниловъ сумѣлъ все населеніе Севастополя заставить думать единственно о спасеніи города, онъ сумѣлъ дѣятельность каждаго направить на усиленіе обороны, никто въ городѣ не думалъ о себѣ, а каждый съ полнымъ самоотверженіемъ несъ свою лепту, «по способности», на защиту родины. Добившись такового воодушевленія въ войскахъ и населеніи, онъ энергичными и непрерывными работами съ каждымъ днемъ все больше и больше вкоренялъ въ гарнизонъ увѣренность въ возможности отстоять оборонительную линію отъ покушеній противника и довелъ, наконецъ, оборону до дѣйствительно грозной силы. Такъ что, когда нерѣшительный противникъ счелъ себя достаточно подготовленнымъ къ борьбѣ, онъ встрѣтилъ уже не отдѣльныя укрѣпленія, разбросанныя на семиверстномъ разстояніи, а непрерывную линію, вооруженную внушительной артилерійской силой.

Но не этою матеріальною силою, какъ мы видѣли, грозенъ сталъ для союзниковъ Севастополь, главная его сила состояла въ тщательномъ подготовленномъ нравственномъ могуществѣ его гарнизона.

На эту сторону дѣла Корниловъ обратилъ самое серьезное вниманіе и въ короткій промежутокъ времени довелъ нравственный духъ не только своихъ, знакомыхъ ему, моряковъ, но и чуждыхъ ему пѣхотныхъ частей, вошедшихъ въ составъ гарнизона, до самыхъ высшихъ предѣловъ. Можно положительно утверждать, что ни одинъ изъ солдатъ пѣхотныхъ или резервныхъ, ни одинъ матросъ, даже изъ числа ластовыхъ и рабочихъ, ни одинъ арестантъ, изъ числа только что выпущенныхъ изъ тюрьмы, не задумался бы, совершенно сознательно, скорѣе положить свой животъ на возведенныхъ укрѣпленіяхъ, чѣмъ остаться живымъ и видѣть Севастополь во вражьихъ рукахъ. Корниловъ постепенно приучилъ всѣхъ къ готовности дойти до возможнаго для человѣка предѣла въ упорствѣ предстоящей обороны, заставилъ вѣрить въ себя и въ предстоящій успѣхъ и сдѣлался для нихъ идеаломъ любимаго начальника.

Подробнаго разбора мѣръ его въ этомъ направленіи мы теперь не будемъ касаться. Упомянемъ только, что моряки, какъ болѣе зна-

комые ему и болѣе знавшіе его, равно какъ болѣе подготовленные, о чемъ мы то же скажемъ ниже, къ принятію мѣръ воздѣйствія на нравственный элементъ, первыми откликнулись на эти мѣры и составили дружное ядро, къ характеру и направленію котораго примѣнялись всѣ входившіе въ составъ гарнизона элементы.

Какъ ни страннымъ можетъ показаться тотъ фактъ, что войска, выбитыя изъ своей обычной колен, взятыя съ привычнаго моря и пересаженные на сушу, безъ всякой предварительной подготовки къ дѣйствіямъ въ пѣхотномъ строю, могли не только не потеряться въ незнакомой обстановкѣ, а служить только примѣромъ для другихъ войскъ, но фактъ этотъ, какъ свидѣлствуютъ многіе участники, былъ на лицо:

«Но никакія испытанія не могли сокрушить мужества черноморцевъ; они еще съ болѣе рвеніемъ продолжали свое безпримѣрное служеніе флоту и отечеству, и благодѣтельный примѣръ ихъ возымѣлъ счастливое вліяніе на духъ всего гарнизона»¹⁾.

«Вообще, флотскіе офицеры и матросы были настоящіе воины и давали тонъ всѣмъ защитникамъ Севастополя»²⁾.

До какихъ высшихъ размѣровъ у моряковъ былъ поднятъ нравственный духъ и какъ они этимъ духомъ возвысили свои воинскія доблести, кромѣ приведенныхъ выше эпизодовъ, могутъ служить слѣдующія выписки:

«Во время бомбардировокъ они (морскіе офицеры) обыкновенно сами стояли съ подзорной трубой на возвышенныхъ мѣстахъ: на пороховомъ погребѣ или блиндажѣ и руководили стрѣльбою изъ нашихъ орудій. Я не помню случая, чтобы изъ подчиненныхъ имъ матросовъ кто-либо осмѣлился передъ пулею кивнуть головою или не исполнить какое-нибудь, хотя бы и безразсудное, ихъ приказаніе. Матросы любили этихъ офицеровъ, и изъ-за нихъ готовъ былъ каждый разорваться...; они настолько проникнуты были стоицизмомъ и долгомъ воинской чести, что легко и даже тяжело раненые обыкновенно не стонали отъ боли, что, конечно, отлично вліяло на остальныхъ, отстраняя поводы къ унынію; я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ мнѣ знакомый флотскій офицеръ, сидя на носилкахъ, съ перебитыми ногами осколкомъ бомбы, не издавалъ ни одного стона, такъ что я подошелъ къ нему и спросилъ: «что вы забрались на носилки»? Онъ мнѣ, ничего не отвѣтилъ, а указалъ на

¹⁾ Записки кн. В. И. Васильчикова. «Русскій архивъ» 1891 г., № 6, стр. 197.

²⁾ Рукопись, т. I, стр. 164.

ноги, которыя, немного ниже колѣнъ, лежали не по должному направлению и кровь изъ нихъ такъ и лилась» ¹⁾).

Не менѣе характеренъ слѣдующій рассказъ изъ записокъ «Егѣря»

«Даже тяжело раненые моряки рѣдко лежали на носилкахъ. одинъ сидитъ, нагнувши голову, покачивается, будто пьяный, клюетъ носомъ; другой обводитъ мутными глазами окружающіе его предметы; иной стоитъ на четверенькахъ, значить раненъ въ спину и ни сѣсть, ни лечь нельзя. Но не слышалось ни одного крика, ни одного упрека: матросъ или пластунъ развѣ только охнетъ тяжело, отъ нестерпимой боли... Впрочемъ, дня черезъ два или три и наши пѣхотинцы пообдержались и впоследствии во многомъ не уступали морякамъ.

«Какъ хладнокровны были моряки и пластуны къ смерти, я расскажу нѣсколько случаевъ, бывшихъ въ октябрѣ мѣсяцѣ.

«5-го октября, утромъ, несли матроса. Онъ сидѣлъ на носилкахъ, поддерживая одной рукой другую, перебитую вблизи плеча. Кровь лилась изъ раны. «Земляки, стой!» сказалъ онъ носильщикамъ: «здѣсь армейцы!» носильщики остановились. «Дайте, братцы, трубочки!... смерть захляснуться дымкомъ хочется!» обратился онъ къ нашимъ. «Въ душѣ больно горитъ!...» Наши солдатки, вмгъ, наперерывъ, подскочили къ матросу съ услугами.

«Матросъ хладнокровно спустилъ раненую руку на колѣни, здоровой взялъ поданную трубку, жадно сталъ глотать изъ нея дымъ, всякій глотокъ пристукивалъ зубами и выпускаемъ дымъ и въ ноздри, и въ ротъ. Такое затягиваніе онъ повторилъ раза четыре, пять и, кивнувъ головой въ знакъ благодарности хозяину трубки, примолвилъ: «спасибо, спасибо вамъ, братцы, добрые ребята!... прощайте, теперь пора къ дохтуру!...» «А вы, товарищи, тащите меня поскорѣе, сказалъ раненый носильщикамъ, а то что-то въ затылокъ постукиваетъ, да и въ глазахъ четверится». Носильщики тронулись.

«Спустя часъ, не болѣе, носильщики эти возвращались на батарею за новыми жертвами. «Что, живъ ли?» спрашивали ихъ наши солдатки. «Нѣтъ, умеръ дорогой», былъ отвѣтъ. «Царство ему небесное!» проговорили нѣсколько голосовъ вдругъ. «Лихая, забубенная голова была. Ребятишекъ, жаль, много покинулъ!» договорили носильщики, проходя со смѣхомъ мимо» ²⁾).

Столь выдающаяся дѣятельность моряковъ подъ Севастополемъ,

конечно, не могла не быть замѣченной, и уже 12-го октября мы читаемъ слѣдующее въ Высочайшемъ приказѣ: «Государь Императоръ, получивъ отъ генераль-адъютанта Меншикова донесеніе о непоколебимомъ мужествѣ, примѣрной стойкости и достохвальномъ самоотверженіи, оказанныхъ всѣми морскими и сухопутными войсками, составлявшими гарнизонъ Севастополя во время бомбардированія этого города англо-французами 5-го и 6-го числа сего октября, объявляетъ искреннюю душевную признательность всѣмъ чинамъ означенныхъ войскъ, отъ генерала до рядового, за блистательный ихъ подвигъ, коимъ они вполне оправдали Высочайшее довѣріе къ нимъ Его Величества. Государь Императоръ изволилъ оставаться въ убѣжденіи, что они и впредь не перестанутъ отличать себя доблестною храбростью и всѣми достоинствами, одушевляющими истинныхъ сыновъ Россіи» ¹⁾).

Кромѣ того, Государь прислалъ въ Севастополь флигель-адъютанта, который обошелъ всѣ бастіоны и батареи, гдѣ были расположены и дѣйствовали флотскіе чины, и передалъ имъ милостивыя слова Монаршей благодарности. Государыня же прислала войскамъ на благословеніе икону Спасителя. По прибытіи этой иконы, на площади у Николаевской батареи было отслужено въ присутствіи войскъ молебствіе и въ тотъ же день вечеромъ икона была обнесена по всей линіи батарей и затѣмъ водружена надъ главнымъ входомъ въ Николаевскую батарею.

19-го октября Государь снова прислалъ князю Меншикову слѣдующій рескриптъ, который приказалъ объявить въ приказѣ: «Надѣюсь на милость Божию, надѣюсь, что начатое славно довершится. Меня счастливитъ геройская стойкость нашихъ несравненныхъ моряковъ, неустрашимыхъ защитниковъ Севастополя. Господь воздастъ имъ за всѣ ихъ доблестные подвиги, которымъ и примѣра еще не было. Я счастливъ, зная своихъ моряковъ-черноморцевъ съ 1828 года, бывъ тогда очевидцемъ, что имъ никогда и ничего нѣтъ невозможнаго. Былъ увѣренъ, что несравненные молодцы вновь себя покажутъ, какими всегда были на морѣ и на сушѣ. Скажи имъ всѣмъ, что ихъ старый знакомый, всегда ихъ уважавшій, ими гордится, и всѣхъ Онъ отечески благодаритъ, какъ своихъ дорогихъ и любезныхъ дѣтей. Вѣроятно, дѣти мои придутъ еще въ-время, чтобы участвовать въ готовящемся; надѣюсь, что они покажутъ себя достойными своего званія; вѣрю ихъ войскамъ въ доказа-

¹⁾ Тамъ же, стр. 164 и 165.

²⁾ Матеріалы Н. Дубровина, вып. IV, стр. 155 и 156.

¹⁾ М. Богдановичъ, т. III, стр. 106.

тельство Моей любви и довѣренности; пусть ихъ присутствіе среди васъ замѣнитъ Меня. Да сохранить васъ Господь великосердный» ¹⁾).

По поводу этого рескрипта одинъ изъ моряковъ, участниковъ защиты, въ письмахъ своихъ писалъ слѣдующее: «... Согласитесь, что подобнаго еще не было и не будетъ. Это видно, что Государь писалъ самъ, и отъ чистаго сердца. За то и мы, черноморцы, понимаемъ Его, и всѣ готовы лечь за Царя. По крайней мѣрѣ, приятно то, что всѣ армейцы отдають справедливость флоту и говорятъ: что лучше флотскихъ нѣтъ войска во всей Россіи; а дѣйствительно, что духъ у насъ такой, лучше котораго и желать нечего. Если только намъ придется идти въ штыки, то можно навѣрное сказать, что отсталыхъ не будетъ, и что ни одинъ не отступитъ...» ²⁾).

Государь оцѣнилъ также и дѣятельность погибшаго на Малаховомъ курганѣ адмирала Корнилова. Вдова адмирала, независимо широкаго матеріальнаго обезпеченія, получила самый милостивый и лестный рескриптъ. Кромѣ того, Государь приказалъ укрѣпленія на Малаховомъ курганѣ именовать «Корниловскимъ бастиономъ», и предать землѣ тѣло доблестнаго адмирала рядомъ съ покойнымъ его учителемъ и воспитателемъ Черноморскаго флота — адмираломъ Лазаревымъ.

Съ неописуемою горестью проводила семья севастопольскихъ героевъ прахъ обожаемаго начальника до завѣтной могилы, подъ грохотъ продолжавшейся бомбардировки, прощаясь «съ усопшимъ начальникомъ, какъ дѣти прощаются съ любимымъ отцомъ, безвременно похищеннымъ смертью» ³⁾. Но и на этотъ разъ семья не была въ полномъ составѣ, такъ какъ князь Меншиковъ на погребеніи не присутствовалъ ⁴⁾.

Сергѣй Гершельманъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Рукописи, т. II, стр. 298.

²⁾ Рукописи, т. II, стр. 298 и 299.

³⁾ Матеріалы А. Жаудра, стр. 305.

⁴⁾ Записки М. М. Попова. «Русская Старина» 1893 г., сентябрь, стр. 525.